

Первые стихи

Рельсы времени в одну сторону

Владимир Лизичев

Владимир Лизичев
Первые стихи. Рельсы
времени в одну сторону

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28744740

ISBN 9785449024381

Аннотация

Автор не считает себя поэтом, не только из уважения к читателю, а также трепетного личного отношения к этому званию, сколько из понимания того, что это сродни тяжёлой профессии, которой нужно посвятить всю жизнь. Если хотя бы одно стихотворение западёт в душу, запомнится, сподвигнет к чему-то хорошему, лучшему, автор будет считать свою задачу выполненной.

Содержание

Человек полетел	6
Как же холодно	8
В память о заблуждениях	10
Ночные белые	12
Мы с котом диван делили	15
Сказка о добром роботе	16
Ордена цена	19
Каждый сам для себя решает	21
Триптих и лабутены	23
Рассказ ветерана вооруженных сил	25
Душа гуляла в сентябре	29
В чём причина	32
Рассказ деда Василя	34
Печорский тракт	40
Меланхолия	45
Две копейки, телефон-автомат	47
В небе раствориться	49
Ночь крадучись наступила	51
Полёты	53
Самба в Варадеро	56
Утром встану и пойду на войну	58
Я в храм войду	60
Пьяный дождь качает ветер	62

Наставления подрастающей смене	65
Я ещё вернусь	67
Быть Фомой неверующим	69
О военной присяге	71
Камни на высоте	73
Тень одиночества	79
Всё пройдёт	81
Белым туманом	82
У вечера в плену	84
Рябина в ладошке	87
Не говори пока – пока	89
Синь васильковая	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

**Первые стихи
Рельсы времени
в одну сторону**

Владимир Лизичев

© Владимир Лизичев, 2018

ISBN 978-5-4490-2438-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Человек полетел

Подпрыгнули рядом, пытаюсь взлететь
На небо, до звёзд дотянутся успеть.
Святой им заметил, не пустят грехи,
Вы Бога не слушали, были глухи.
Поднялся над полем и ввысь полетел
И каждый, что рядом за ним захотел,
Кричали знакомые, бабы, родня,
Куда нам деваться, ждать Судного дня?
В ответ только ветер едва шелестел,
Кто жаждал летать, тот уже улетел.

И прыгали вновь мужики на краю,
Так хочется жить, не корячась в Раю.
Да где этот царствия божьего свет,
Мы ждём уж давно, а его нет и нет!
Ах, если бы знать, все уже наперёд,
Кто истинно свят, чей на небо черед.

Он птицам завидовал, бражки не пил,
Могучие крылья в глуши мастерил,
Мечтал о высоком, а ростом был мал,
В спасителя верил и крест целовал.
А батюшка в церковь пускать не велел
В том грех и гордыню его усмотрел.

Над ним насмехались, ну как не понять
Холоп должен ползать, но чтобы летать?!
Упрямым был Никитка, отчаянно смел
На верх колокольни взобраться сумел.
Он прыгнул вниз, с Храма, шестнадцатый век,
Завис, а потом полетел Человек!

И все вроде вышло, как он и хотел
Весь Кремль на крыльях своих облетел.
Царю донесли, постаралась молва
И с плеч покати́лась тотчас голова,
Но прежде с улыбкой шепнул палачу
Я в детях воскресну и вновь полечу.
А крылья сломали, и впредь – Не имать
Их долго другим ещё будут ломать.

Припомним Никитку, когда самолёт
Над нами край неба, стрелою прошьёт.
Я знаю, богат на умельцев наш край
И где-то Никитка спешит в свой сарай.

Как же холодно

Опали листья в ноябре,
и стало холодно.
Горела лампа на столе
в приёмной «Воланда».

«А это Вы, опять пришли,
Вам не положено
На то и дети чтоб росли,
не всё – морожено».

«Да будет суд, сам виноват,
не лез бы в драку-то
Избил один троих ребят,
травил собакою».

«Что вы сказали, пёс был – шпиц?
Но, не в наморднике
Читаю дело, сто страниц,
Вот, пишут дворники».
«Тасчили девушку в авто?
То, показалось
у нас насмотрятся кино,
Да, отказалась»!

«Ну, дел-то, «треху» отсидит,
Чего простите?!
Да я Вас в рог... и сын бандит,
за ним хотите»?!

«Прошение надо заслужить,
Что Вы трывдите?!
Ну да, конечно, парню жить.
Туда пройдите».

К утру домой вернётся мать,
поплачет.
Как же холодно.
Приснится узкая кровать
и лапы того Воланда.

В память о заблуждениях (королевские кровати)

Скамья дубовая, пиво чешское,
Сижу, наращиваю седалище.
Меню в коже, блюдами веское
Цена на кровати – та ещё!

Не подаю виду, хрущу панцирем
Морской снеди, мелкой очень,
Горка в тарелке, липкими пальцами
Поглощаю клеток белковых очередь.
Где тут те, по пятёрке, лучшие?
Требую, настоящие королевские,
Что когда-то купил по случаю,
А не эти, за трёшку, мерзкие!

Но ехидная, официанта харища
Нагло так, в ответ улыбается, —
«Не хочу поправлять товарища,
Но они только так называются»!

Значит, дурят, а я доверившись...
Зря он это мне все рассказал,
И вконец во всем разуверившись,
Графин с водкою заказал.

Ночные белые

Чайник китайский
паром пыжится,
Серым глазом
на мир смотрит.
Неясные тени
по комнате движутся,
Ночь, мне рожи
по стенам корчит.
Мерцает диск,
на часах с боем,
На подоконнике
ветка акации.
Три часа,
за стеклом всё воеет
Музыка чьей-то
автосигнализации!
Луна, на жёлтом,
серыми комьями
Плывут облака,
покоя не знающие.
По крышам коты
шастают кодлами,
Орут нагло всю ночь,
вызывающе.

В доме напротив
квадратами, точками
В окнах огни
Вспыхивают, пропадают.
На крыше
рекламные слоганы строчками
То появляются,
то опять исчезают.
Компьютер крякнул,
апгрейды ломаются,
Архивы файлов
приходят пачками
И в Гугле тоже видать
Бессонница,
Гонят в сеть игры
с новыми патчами.
В голове раздрай,
мысли пучатся,
Может быть то душа,
болит, кается.
До утра уснуть,
не получится,
Остаётся сидеть,
стихами маяться.
По экрану редактора
мышью бегаю,
Сварю кофе, выпью
ещё горячим.
Напишу стихи,

они выйдут белыми
И заброшу всё,
к чертям собачьим.

Мы с котом диван делили

Мы с котом диван делили,
Каждый барином лежал,
И пока того кормили,
Я победу одержал.

На часах пробило полночь,
Кто хозяин кто вассал?!
Но в ответ котяра, сволочь
полный тапок мне нассал.

Час искал по всей квартире,
Кого хочешь, разозлит.
Где ты? Спрятался в сортире
За стеной кухонных плит?

Посмотрел, быть может в ванне?
Я б за все с него спросил!

Кот валялся на диване
и храпел что было сил.

Сказка о добром работе

Внучке я рассказываю сказку —
Жил был робот – добрый и большой,
Но лишённый, человеческой ласки,
Не создали их ещё с душой.

Ночью заряжался от розетки,
И тогда горел зелёный глаз,
Вместо сердца ящик грудной клетки,
там аккумуляторов запас.

Шестерёнки, болтики, и схемы,
Сервопривод, платы, провода,
Два дисплея, блок питания, клеммы
И ещё программная среда.

Был он дока по хозяйской части
Мыл, стирал, готовить тоже мог,
И совсем без женского участия
Выпекал на праздники пирог.

Все друзья – компьютер, холодильник,
Пылесос, приставка и планшет,
Прошлогодний яблочный мобильник,
Гаджетов, что старше, в доме нет.

Краска на панелях облетела,
Провода вот-вот начнут искрить,
И семья давно его хотела
Сдать в утиль и нового купить.

Тот, блестящий, мог летать как птица
С кучей новых игровых программ,
Что нам поставляют заграница,
Легче нашего, почти на килограмм.

Решено, кредит, платёж в рассрочку
И в субботу едем покупать.
Будет нянька, классная для дочки,
И покормит и уложит спать.

Но случилось страшное, не ждали
Молния ударила в тот дом,
Ночь темна, они уже все спали,
Мама с папой, девочка с котом.

Пламя быстро охватило здание,
Жарким дымом все заволкло,
Папа сразу потерял сознание,
Чуть позднее, мамино ушло.

Злой огонь на лестнице качался,
Пламя двери детской уже жгло,
Старый робот долго заряжался,

Но спасенье все таки пришло.

Он тащил людей, горела краска.
Вынес всех, на травку положил,
Спросит внучка, – «Дед, а будет сказка,
Как тот робот дальше у них жил».

«Ну конечно будет, дом отстроят,
Мама брата девочке родит.
Роботов в квартире станет трое,
Старый здесь он с малышом сидит».

Ну а в чём урок у этой сказки?
Не судите строго и спеша,
Дело все в той обгоревшей краске,
Может там и пряталась душа?!

Ордена цена

Посидите что ли рядом, выпьем крепкого вина,
Мне сегодня очень надо, помощь други мне нужна.
Не в деньгах, конечно дело, просто грустно одному
Мне хандра сковала тело, что с ней делать не пойму.

Помолчим, как раньше было, каждый думал о своём,
Мне ребята все постыло, волком вою этим днём.
Ничего не надо боле, просто видеть всех опять,
Не в моей конечно воле вас у вечности отнять.

Ну, хотя бы на мгновенье, сели рядом как тогда
Вот вручили в День рожденья орден – Красная Звезда.
Посидим, помянем наших, стол простите, будет прост
На закуску банка каши, за ушедших третий тост.

Вспомним все, как дружно жили, хлеб делили и беду
Верно Родине служили той, что нынче не найду.
Как нас духи окружили, вспомним тот последний бой
Меня сразу положили, старшина прикрыл собой...

Молча встал, вздохнул устало, орден положил в стакан,

Без руки в тельняшке старой, водки выпил капитан
Со стены на жёлтом фото улыбались пацаны,
И жива была вся рота, ещё не было войны.

Каждый сам для себя решает

Одиночество тёмных окон,
Стены чьих-то чужих домов,
Ты пока ещё только кокон
В брызгах серых невнятных слов.

Совесь жёсткая – харакири
Режет мягкую плоть души
Ту, что мечется по квартире
Ту, что бабочкой стать спешит.

Хорошо бы сейчас покаяться,
Скинуть камень долой с души,
Только чую, придётся маяться,
На земле продолжать грешить.

Отпустите, прошу не веруя,
Зло опять отвечает злом,
И стена та большая серая
И не взять её на излом.

Черноту солнца луч ломает,
Зимней ночи закончив бег,
Каждый сам для себя решает
Кокон? Бабочка? Человек!

Триптих и лабутены

Выставка художников в апреле,
Дорогой парфюм, просторный зал,
Триптих скромный бледной акварели:
Дождь, дорога, старенький вокзал.

Рельсы, убегающие в вечность,
Серый ливень, в небе облака,
Утренняя тихая беспечность
Кисти вдохновенного мазка.

Этот мир заброшенный и зыбкий
Станции затерянной в глуши,
Принимает поезда – ошибки,
Скорые – истерзанной души.

Зябкая придуманная данность
Будоражит, манит не пойму,
Кем-то нарисованная дальность
Так близка, и сердцу и уму.

Три окна пронзительного чуда —
Дождь, пути, заброшенный вокзал,
Кажется, что и я сам оттуда
В это мир, когда-то уезжал.

Прёт народ, мелькают лабутены
Экспонаты, телки и штаны,
Авангарда вычурные темы.
Акварель – рисунок тишины.

Не замечен в оживлённых спорах,
А они бывали так сильны,
Будет снят наверно очень скоро
Скромный триптих с крашеной стены.

Но оставят в сердце грусть и жалость
Трёх картин, бумажные листы,
Когда вдруг вниманье задержалось
Ощувив потоки теплоты.

Мастера небрежною рукою
Выписана каждая и все,
Три листа неброского покоя
На травой заросшей полосе.

Рассказ ветерана вооруженных сил

Когда я сидел в окопе
На границе у реки,
Он в Levis на толстой жопе,
Все облазил кабаки.

Я из банки жрал тушёнку
И солдатский чёрствый хлеб,
Он гусиную печёнку
И с омарами омлет.

От московской зимней стужи
Он на Кипре отдыхал.
Я в Афгане был контужен,
Под огонь своих, попал.

Дочь столичного министра
Вышла замуж за него,
Дача, сад, гараж на Истре.
У меня нет ничего.

Даже нет своей квартиры,
Я прописан у жены,
Две клетушки, душ с сортиром,
Дом построен до войны.

Он на кожаном диване
По ночам, когда не спал
Или лёжа в тёплой ванне,
Мандельштама вслух читал.

Я служил в то время в Туле
По ночам, не то, что спать,
Каждой смене в карауле
Должен был Устав читать.

Так болячек полный список
Себе к пенсии нажил,
Сколь раз был к смерти близок
Где я только не служил.

У того судьба сложилась,
Не в пример моим годам,
То Париж, скажи на милость,
То голландский Роттердам.

В МИД пристроили, в загранку,
Тесть министр попросил.
Он на мерсе, я на танке
Полигонов грязь месил.

Так прошли, промчались птицей,
Чередой тревог и дел
Годы службы, и в столице

я на пенсии осел.

Только что теперь, я вижу —
Харю ту, что за бабло,
Ту, что с детства ненавижу,
На Расею катит зло.

Гладок он, речист, ухожен,
В депутаты так и прёт,
И надеется, похоже,
Что с деньгами удерёт.

Пишет – «эта», вместо – наша,
То есть не его страна,
Знать земля чужая краше,
А родная не важна.

Хаит, труд отцов и дедов
Мол, теперь-то суть видна,
И военных дармоедов
Нам защита не нужна.

Сам конечно в «белом фраке»
Истин лживых наберёт,
И давай печатать враки
И разбрасывать помет.

Дескать, жил не так, трудился,
Ордена носил не те.

Плохо все, чем я гордился
По природной простоте.

Вот урод, ну погоди же,
Всех вас вытащат на свет,
Кто пиндосам попу лижет,
В ком любви к России нет.

И конечно, в том уверен —
Мнений много может быть,
Но с таких, по крайней мере
Власти должно и спросить.

Коли мер, вполне серьёзно
Не принять, не потрясти,
То настанет время можно
И державу не спасти.

На скамейке в нашем парке
Ветеран умолк, без слов,
Мы с ним выпили по чарке
За Победу, отчий кров.

На таких, как он, Россия
Держится, растёт и впредь,
Неизведанной и сильной
Сможет все преодолеть.

Душа гуляла в сентябре

Душа моя в сентябрь хочет,
Где льют дожди, и я не прочь
Того, чтоб стали дни короче,
Само собой, длиннее ночь.

Жара спадёт, прохладней станет,
И солнце, землю приласкав,
Кого-то днём не раз обманет,
Поспешно скрывшись в облаках.

На низком небе цвета стали
Они бегут как корабли,
Над петербургскими мостами
Почти касаются земли.

Ряды деревьев жёлтым цветом
Украсят осени мазки.
Прошло расплывчатое лето,
Промчались бабьего деньки.

Ещё чуть-чуть и разлетится
Багряных листьев кутерьма,
Спеша на землю опуститься,
На парки, площади, дома.

Асфальт дорожек в парке скроют,
И мне шуршащие листки
Прочтут, пока их дождь не смоеет,
Свои печальные стишки.

Люблю сентябрь мокрый, разный,
Когда тепло ещё стоит,
И в небе солнца шарик красный
Нагреет берега гранит.

Невы неспешное скольжение
и притяжение синих вод,
Адмиралтейства отражение
И серой масти небосвод.

Ценю колон ростральных строгость
В завесе льющихся дождей,
Их линий простоту и стройность
И непохожесть на людей.

Прямые линии фасадов,
Домов знакомые ряды,
Люблю проспекты Ленинграда
И разведённые мосты.

Сейчас весна, начало лета,
Не расцвела ещё сирень,
В окно ворвался ливнем света

Погожий майский тёплый день.

А что душа, дождём осенним
Умыта и опоена,
Уже вернулась в день весенний,
Другим пресытившись сполна.

В чём причина

Бьёт в окна домов, охреневшей сирены
И ночью и днём, нескончаемый вой,
Долбит по расшатанным нервам сквозь стены,
Ломая мозги, чей-то джип с мостовой.

Всё валится с рук, появилась усталость,
Быть может пора записаться к врачу?
Но даже такую нехитрую малость,
Сегодня я делать никак не хочу.

Любимая чашка упала, разбилась,
На улице дождь, он с утра льёт и льёт,
Ну что за напасть, мне скажите на милость
Припёрлась, и жить старику не даёт?

Жена разворчалась с утра не на шутку,
Что в доме нет хлеба, сходи, да сходи,
И слез бы с дивана, хотя б на минутку,
Уж новые джинсы не лезут, поди?!

Так в чём тут причина невзгод и волнений,
Судьбы полоса почернела с чего?
Быть может, виновен конфликт поколений?
Так не было сроду, признаться его.

Все просто, но сердце сжимает от боли
Вселенская, серая грусть и тоска,
Вчера вместе с внуком я был на футболе,
Опять проиграл ноль – один, ЦСКА.

Рассказ деда Василя

Только лёд сошёл на речке,
Таит снег, где вовсе нет
И старухи на крылечке
Ловят сидя, тёплый свет.

Во дворах щебечут птицы,
Скоро Пасха, светлый день,
В церковь Богу помолиться
Всяк пойдёт, кому не лень.

Рядом с Маниным сараем,
Где хранит она дрова,
Без работы загорает
Деревенская братва.

Кум, Егор, что сват у Маньки,
Дед Василь уже разлил,
Выпил ..., вытер губы майкой
Помолчал ..., заговорил.

Расскажу, такая штука,
Вам один большой секрет,
До того не мог, ни звука,
Под подпиской полста лет!

Дело, было, помню точно —
В шестьдесят шестом году,
Я солдатиком на срочной.
Счёт до дому дням веду.

А служили мы в охране
Подмосковного НИИ,
Все слышали об уране,
Его там изобрели.

Инженеры, самородки
Там ковали нашу мощь,
Три реактора на водке,
Вынь, да к празднику полож!

Ну и что там удивляться,
Торопились как всегда,
То фотон начнёт ломаться,
То тяжёлая вода.

В общем, в ночь на воскресенье
Что-то там произошло,
Толи от ума затменьё,
Толи с водки развезло.

Кто из них в Эйнштейны метил?
Звали как, успел забыть,
Изобрёл чего на свете

Вообще не может быть.

...Тут оратор наш прервался,
Попросил ещё налить,
Выпил, крикнул, но собрался
И продолжил говорить.

Энто, грозное изделие,
Чтоб мне бабы не видать,
Стало в ночь на воскресенье
В воздух йонами кидать.
Стали вещи пропадать...

...Что ещё от дуры ждать?!
Как свояк на дне рожденья
Что нажрался стал стрелять,
По курам ядрёна мать.

Понаехало начальство
Всюду ор и страшный крик
Дескать, всюду разгильдяйство,
Может враг сюды проник?

И никак енту заразу,
Не могли остановить.
Вот что значит – без приказу
Испытанья проводить.

Ну а главное – катушка,

Он куда ей поведёт...
Будь то стол, кирпич и кружка,
Сей же миг и пропадёт.

В общем, тот изобретатель
Запустил и, сам не рад,
Свой мюонный излучатель,
Торсионный агрегат.

Уже много чего нету,
Продолжало исчезать,
А могло и всю планету,
Как коровою слизать.

Делать нечего... У Деда
Глаз один слезой заплыл.
Дан приказ, чтоб до обеда
Ентод стенд, отключён был!

Как сумели дело справиться,
Не сегодня разговор,
Всё смогли тогда поправить,
Тем учёным не в укор.

Был разбор, медаль мне дали —
«За спасенье на воде»,
Это чтоб враги не знали
Что было, когда и где.

Только вот скажу, сомненье
Гложет душу мне с тех пор,
Как бы то изобретенье
Хитрый враг, какой не спёр.

Да и Вас прошу, заметьте
Пропадают, нету сил,
Будто кто машины эти
Снова к сети подключил.

И уже пропало это,
а вчера исчезло то,
Может снова над планетой
Генерируется что?

Пропадают у народа,
То зарплата, то мечта,
Где скажите та порода,
Вера, честность доброта?

Дед умолк и глаз прищурил,
В думках был, искал слова.
Подошёл к сараю Шурин
Где кричит мои дрова?

Вчера вечером у бани
Положил охапку дров,
Что заимствовал у Мани
Ан исчезли, будь здоров!

Мужики переглянулись,
Кум для шурина налил.
Тут сомнения проснулись,
Дед то правду говорил!

Кто ж в своей деревне станет
Красть, чужие же дрова?
Разве день такой настанет?
В это верится едва.

Снег на солнце стал прозрачен,
Потекли ручьи воды,
Детвора по лужам скачет
Со дворов, туды сюды.

Скоро Пасха, день весенний
Чисто, на душе светло,
От того что есть спасенье
И оно уже пришло.

От того, что есть Россия,
Есть деревни, города
И под небом этим синим
Будет жить она всегда.

Печорский тракт

Ночь, темно, вокруг тайга,
По реке идут КАМАЗы,
Звёзд, рассыпанные стразы,
Зимней речки берега.

В небе чёрном лик луны
Разлился по темноте,
В той бездонной высоте,
Чьи пределы не видны.

Глухомань разбудит свет
Мощных фар больших машин,
Даль заснеженных вершин,
Мирно спящих тыщу лет.

Гул моторов разнесётся,
Обороты наберёт,
Тишину лесов порвёт,
Гулким эхом отзовется.

Зимником по льду реки,
Трасса тут зимой одна,
Летом, нету нихрена,
Так что ездить, не с руки.

В группе, что из трёх машин,
Наш нагруженный КАМАЗ
Прёт всей мощностью своих масс,
Оставляя слепки шин.

Светом фар ломаем мрак,
Разрезаем темноту,
Путь не близкий в Воркуту,
Снег и лёд, Печорский тракт.

Сосны, ели, слева, справа,
Километры прочь бегут,
Знает трассу, лыс и крут,
Крутит руль водитель Слава.

Радио орёт в кабине,
Жмёт КАМАЗ по целине,
Здесь планшеты не в цене
И вайфаев нет в помине.

Лепс гремит, слетел с катушки,
Чарт на радиоволне,
Кофе в термосе – вполне,
Уже выпили три кружки.

Скоро утро, переправа,
Там вода, обломки льда
И проскочишь не всегда,

Ну, давай, твой выход Слава.

20 тонн фабричной стали
По промоине, по дну,
Гонят впереди волну,
Крошки льда стекла достали.

Выручайте в мать боги,
Крепки русские слова,
Север или Колыма,
Эх, российские дороги.

Всё, прошли, а я не верил,
Дальше легче, там земля,
Ехать нам ещё два дня,
Или три, по крайней мере.

Будем печкой, что в кабине
Мы сушить штаны потом,
Растираться всем гуртом,
Старой водкой на рябине.

По бортам сосульки сбиты,
Но ещё не высох пол,
А уже накрыли стол,
И сто граммов не забыты.

То отдельный протокол.

День уже и снег искрится,
Вот и Сия, там привал,
Если ты всю ночь не спал,
Хорошо в кабине спится.

И опять летит дорога,
Прёт КАМАЗ, все двести сил,
Пока речкой колесил
Покарябанный немного.

По земле метёт и крутит,
Снег с утра пошёл опять,
График надо нагонять,
На стекле на фотке Путин.

Ночью будут звезды снова,
Нам приветливо мигать,
И в дороге помогать
Два коротких крепких слова.

Русь, от края и до края,
Бесконечные пути
По которым нам идти,
Свой, из прочих, выбирая.

Значит мой, по бездорожью,

Зимней снежной целиной,
Где дороги ни одной,
Асфальтированной ложью.

Меланхолия

Утром встану, опять чихая,
По прогнозу весь день дожди.
Буду поздно, на ужин не жди,
Как дела? Всё бже дорога.

Дождь с утра и до ночи молотит
По балкону, железу, стеклу,
Заливает водою Москву,
По дворам и по улицам бродит.

Месяц май, а погода плохая
И не трудно наверно понять,
Почему мы стремимся опять
К теплоте, что согреет лаская.

Меланхолия времени года,
Посерели проспекты, дома,
Акварелей неярких, сама,
Набросала на город природа.

Щётки воду со стёкол стирают,
Прилипая бегут назад вперёд
И приёмник в дороге орёт,
Чья-то песни мозги раздирают.

В угасании дня московского,
В звуках улиц уставши, прусь
По Арбату разлита грусть,
Ре-минором Петра Чайковского.

В лабиринтах глухих закоулков
Мимо стен, в арках старых домов
Бьётся сердце над поиском слов
Я найду их в тиши переулков.

Бесконечна дождя какофония
Но я знаю, он скоро пройдёт
Солнце светом Москву зальёт
И уйдёт моя меланхолия.

Две копейки, телефон-автомат

Уже темно и надо возвращаться,
Трамваи реже начали ходить,
Тебе со мной не хочется прощаться,
Вот только маме надо позвонить.

Ведь не уснёт, волнуясь до рассвета,
А телефон, вон будка по пути.
Где две копейки, чтобы одной монетой
Их ещё надо в кошельке найти.

Вокруг дома в ночных огнях купались,
А в парке вишни розовым цвели.
Мы в телефонной будке целовались,
А две копейки так и не нашли.

Ушёл трамвай, и рельсов нить дрожала,
И стуки сердца каждого слышны,
Ты мои руки на груди держала
И две копейки стали не нужны.

Лицо девчонки юной недотроги,
Моё признание первое в любви,
Когда так длинны школьные уроки,
Когда так ярко светят фонари.

Остался вкус слегка солоноватый
Тех губ, тех слёз и нежности твоей,
Когда был юн, кончался класс девятый
И впереди вся жизнь, и столько в ней...

Событий, встреч, чьи не забуду даты,
Людей, что были мне всегда близки.
И двух копеек, выпавших когда-то,
На пол той будки из твоей руки.

В небе раствориться

Вздохнуть и в небе раствориться,
Дышать свободою небес,
Их влагу пить и не напиться,
Не ощущая больше вес.

Лететь, как птица на просторе
Навстречу звёздному огню,
И провожать светило в море,
Когда конец приходит дню.

Скитальцем вечным над землёю,
Спешить за ветром и дождём,
Осенней пасмурной порою,
И летним, ярким, тёплым днём.

Увидеть всё, поля и горы
Леса и реки, и холмы,
Пустынь песчаные узоры,
Тайгу далёкой Колымы.

Или пройтись над океаном,
Навстречу штормовой волне,
Зимой промчатся ураганом
В степи, по снежной целине.

Хрустальным небом умываться,
Чья бесконечна синева
И лунным светом любоваться,
Что освещает ночь едва.

Душа куда-то прочь стремиться,
Ломая стены и спеша.
Мелькают дни и чьи то лица,
Чертами память вороша.

Наверно так всегда бывает,
Вздохну, открою файл стихов,
И вот она уже взлетает,
И веса нет земных оков.

Ночь крадучись наступила

Ночь крадучись наступила,
Летним вечером темно,
Комарами облепила
В моей комнате окно.

Стало тихо на деревне,
Смолк недавно лай собак,
Не шуршит листва деревьев.
На земле покой и мрак.

Гроздь жёлтой облепихи
Освещает лунный свет.
Дуновенья ветра тихи
И дневного зноя нет.

Заросла травой тропинка,
Что ведёт прямо к реке,
Где на самой середине
Камыши на островке.

До утра цветы поникли,
На лугах склонив ростки,
Тоже ночью спать привыкли,
Пряча внутрь лепестки.

Их разбудит утром солнце
И по небу поплывёт,
Заглянув в моё оконце,
Светом комнату зальёт.

Хорошо-то как, привольно,
дышится в легко в ночи,
звезды светят и невольно,
сердце радостно стучит.

Полёты

Железная птица пространство пронзает,
И быстрю тенью вдали исчезает,
Среди облаков её след пропадает,
И бешено вертится горизонт.
Натянуты нервы и не отпускают,
Не только на крыльях пилоты летают,
На нервах, машины стальные бросают,
Идут на врага, где всё небо их фронт.

Здесь наверху, все законы забыты,
Пилот и машина в единое слиты,
В воздушном бою совершая кульбиты,
Но давит нагрузка, всё больше растёт.
Пространство и время сжимаются узко,
Вдавила, расплющила мозг перегрузка,
Рука нажимает на клавишу пуска,
Мы цель атакуем, враг тоже не ждёт.

И небо огромное, синего цвета,
Расколется громом, и вспышкой света,
Уходит на цель боевая ракета,
За горизонтом уже пропадёт.
Ревут на форсаже надрывно турбины,
Как жизни и смерти их две половины,

И режут пространство стальные машины
На крыльях удачи вперёд и вперёд.

Ушли с разворотом, сменив эшелоны,
Две сушки, воздушного племени клоны,
Уже под крылом, сопок серые склоны,
И скоро посадка и дом где нас ждут.
Касание есть, болтануло немножко.
Родная, бетонная встретит рулёжка,
к ангару знакомая катит дорожка,
где травы высокие, летом растут.

Бывает, что падает замертво птица
С большой высоты, чтобы в землю вонзиться.
Подбитыми крыльями не зацепиться,
А пара её будет в небе кружить.
Их трель в синей бездне навек оборвётся,
Твой друг из полёта уже не вернётся,
И сердце от горя и боли взорвётся,
Но надо летать, приземляться и жить.

Разборы полётов до вечера длятся,
И мы будем хмуриться и улыбаться,
Автобусом в наш городок возвращаться.
И жён и детей у дверей целовать.
И вновь уходить и опять возвращаться,
Утюжить пространства и в небе вращаться,
С машиной как с другом своим обращаться,
А самое главное будем летать.

Самба в Варадеро

Я танцую в Варадеро самбу, море, белый ром,
Сеньорита бона сера, в лёгком платье голубом,
Две волшебные гитары, маракасы, барабан,
Молодых танцоров пары, в «Тропикано» воздух пьян.

Гибких тел вольны движенья, горяча кубинок кровь,
Не услышать возраженья, ночь любви, сама любовь,
И поддавшись настроенью, я танцую, в их кругу,
Этим миром сновидений, надышаться не могу.

Той мелодией знакомой, закружило, понесло,
Потому я так раскован, что башку уже снесло,
Голоса поют о чём-то, мне знакомом, дорогом,
Темнокожие девчонки, непривычный белый ром.

На волне аккордов Бомбы, бонго ритмы задавал,
Гуарача – самбу с бонной я два раза станцевал,
Бедра бешено крутились, жёг её призывный взгляд,
Сердце в рёбрах колотилось в два захода и подряд.

На песке давно убрали полосатые зонты,
Пеликаны где-то спали, всюду красные цветы,
Чернокожая мадонна, не сказать, как хороша,
Блеском глаз её бездонных страсти полная душа.

В ресторане знаменитом мы за столиком сидим,
Где по воздуху разлиты, запах грёз, сигарный дым,
Небеса чернее сажи, звёзд несчётное число,
Серп луны висит над пляжем, и на улице тепло.

Это платье голубое, юное совсем лицо,
Шорох близкого прибоя, пар танцующих кольцо,
Запах рома и Короны, и горячность женских тел
Время не сотрёт, ни тронет, даже если б захотел.
Я танцую в Варадеро...

Утром встану и пойду на войну (слова песни)

На заре, на ясной зорьке звезда
С неба падала в степи на траву,
Загадали мы с любимой тогда
Что до свадьбы внуков я доживу.

Утром встану и пойду на войну,
Я коварного врага буду бить,
За себя, за нас за всех, за страну,
Чтобы в лютом, том бою победить.

Чтобы можно было песни слагать
И однажды их любимой пропеть,
Чтобы жили и отец мой и мать,
А за это можно и умереть.

Если только мне в бою повезёт
И на землю нашу враг ни ногой,
Если пуля молодца не убьёт,
То с победой возвращусь я домой.

Если ранят в том сраженьи меня,
И осколок грудь навывлет пробьёт,
Кровь горячую впитает земля,

Значит, вышел помирать мой черёд.

А я соколом на небо взлечу
И над полем брани буду летать,
Так же петь, любить и жить я хочу,
Так же трудно молодым умирать.

Но не зря пролью я здесь свою кровь,
Будут дети, будут внуки расти,
Будут также защищать отчий кров,
Так же встанут у врага на пути.

Я в храм войду

Я в Храм войду, меня встречают лики,
И строго смотрят с писанных икон,
Где от свечей по стенам жмутся блики,
И исчезают в трещинах окон.

Здесь благодать и спокойствие разлиты,
По стенам, что стоят уже века,
Лики святых, чьи имена забыты,
С икон глядят на нас издалека.

Молюсь, замрёт всё в хрупком моём теле,
У тех старинных молча постою,
Чьи души светом к небесам взлетели
И где-то там покоятся в раю.

Ну а мою, как лист сентябрьский падший,
То кружит ветром, то к земле прильёт,
А то вернётся она в день вчерашний,
То побежит отчаянно вперёд.

Успокоенье долго не продлится,
Ворвётся жизнь, есть у неё права,
Но я опять приду в тот Храм молиться,
Где свет икон касается едва.

Пьяный дождь качает ветер

Пьяный дождь качает ветер.
Середина дня. Темно.
Тускло солнце в небе светит,
Смотрит в мокрое окно.

Облетели в парке листья,
Ветви голые дрожат.
Дни сентябрьские быстро
Норовят от нас сбежать.

И с дождём уходит лето,
Нет уже того тепла.
Осень, в мокрое одета,
Неожиданно пришла.

Не грусти напрасно ветер,
Не гони листвы наряд.
По асфальту краски эти
Жёлтым пламенем горят.

Мокнут лапы старой ели.
Улетели воробьи,
Те, что раньше тут сидели
И чирикали в пыли.

Кто-то вновь захочет лета,
за моря к теплу сбежит.
Но и там уже с рассвета
Пьяный дождик моросит.

Что ж, я тоже убегаю,
Вдоль по осени бреду
И хотя дожди ругаю,
Как и все, чего-то жду.

Гонит из дому смятенье,
Что навеяно дождём.
Может в нём живёт спасенье
То, которого мы ждём?..

Пру по лужам сапогами,
Капли льют за воротник.
Цвета охры под ногами
На земле ковёр возник.

Он шуршит. Шагами мерю
Расстояние в пути,
Душу я дождю доверю,
Чтоб могла она расти.

Козырёк бейсболки мокрый,
По очкам течёт вода.
Я вышагиваю, бодрый,

Сам не ведаю куда.

Чтобы там не говорили,
Осень классная пора!
Сразу грязь дожди отмыли,
И не мучает жара.

Мокрый вечер скоро спросит:
«Что с тобою? Ты здоров?»
Я отвечу: «Это осень
Лечит лучше докторов».

Ветер, дождь всюду фурычит,
Размывает вид в окно.
В доме тихо, кот мурлычет,
На колени влез давно.

Здесь покой, тепло и сухо,
Пьяный дождь пройдёт с утра.
И придёт по верным слухам
Лета бабьего пора.

Наставления подрастающей смене (из цикла бесполезные советы)

Коль встретишь Зло, не уступай дорогу,
Пусть тяжкой будет плата за тот шаг,
Но с нами Бог и это, слава Богу,
Не уступай, да устрашится враг.

А за тобой поднимутся другие
И это будет! Мир устроен так,
Что отступивших перед злом, стихией
Одoleвает даже слабый враг.

Борись с собой, когда нет сил и воля
Начнёт сдавать и, кажется всё зря.
Борись, когда одoleвает горе
И предают подруги и друзья.

Нет ничего, что не по силам воле,
Когда есть совесть, не страшна и смерть
И пусть крошит эмаль зубов от боли
Кровавым ртом кричи ему – Не смей!

Не уступай любому злу, ни шага
И только так, поверь мне стоит жить.
В щедушном теле, если есть отвага,

То с верой – силу можно победить.

Герой не руфер, в кадре на высотке,
Чьё время к нам с YouTube приползло,
Но тот, кто против наркоты и водки,
И честь свою не продал за бабло.

Я знаю, ты не любишь наставленья,
Но неизбежно время настаёт —
Мне путь держать в другие измеренья
И в бой идти наступит твой черёд.

Не подведи, не опозорь то имя,
Которым, нарекли отец и мать
И Родину, которую отныне
Тебе доверят с честью защищать!

Я ещё вернусь

Не надо грусти, я ещё вернусь.
Я белым снегом первым обернусь,
Берёзкой, что серёжками полна,
Глотком сухого терпкого вина,
Высоким клином улетевших птиц
Мелькну в сети среди чужих страниц,
В строках моих написанных стихов,
В улыбках бедных наших стариков.
Признаюсь вам, уйти я не боюсь,
Седым туманом утром растворюсь.
Так все уходят, слаб ты или крут,
И годы память всех имён сотрут.
Великих мир запомнит на века,
Чья мудрость – полноводная река.
А чей-то лик художник на портрет
Запечатлел, кого давно уж нет.
Я растворюсь в небесной синеве,
Взойду цветком на выжженной траве
И криком чайки над морской волной
Ворвусь в твой сон холодной весной.
Не верь тому, кто скажет обо мне,
Что он устал, что боль топил в вине.
Я жизнь всегда боготворил, как мог,
Но наступает, видимо, мой срок.

И тот большой неведомый игрок
Назначит мне очередной урок.
Когда уйду, пронзая облака,
Пусть мне вслед махнёт твоя рука.
В других мирах, другим и я очнусь,
Не надо грусти, ждите, я вернусь!

Быть Фомой неверующим (из цикла бесполезные советы)

Ломайте стереотипы и заблуждения,
Сомнений дверь открывайте уверенно.
Фомой, не верующим от рождения,
Будьте всегда и во всём намеренно!

Всё проверяйте скальпелем логики,
Сердцем рассудок, точите, правьте,
Часто врут и проверенные источники,
Не позволяя докапываться до правды.

Врут также, теории и солидные учёные,
Врут нещадно – политиканы и историки,
Разномастные и титулами облачённые,
Всеми признанные мастера риторики.

В глупостях явленных, своих уверены,
Сыплют речами, с виду правильными.
Не доверяйте, пока всё не проверили
Сами трижды их выводы с правилами.

Лучше быть Близнецом неверующим,
Апостолом, раны Христа проверявшим,
Чем прослыть человеком несведущим,

Чью-то глупость распространявшим.

О военной присяге

Пока со мною совесть говорит
И свет небесный согревает душу,
Покуда жив, покамест не убит,
Я Воинской присяги не нарушу.

Пусть злобный враг надеется, следит,
Когда я дрогну, побегу и струшу,
Пусть радоваться сволочь не спешит,
Я Воинской присяги не нарушу.

Когда вокруг всё, кажется, трещит,
Стихия гнев свой бешеный обрушит,
Подняв с земли упавший чей-то щит,
Я стану в строй, Присяги не нарушив.

Откуда силы, кто за мной стоит?
Я вижу море, даль небес и суши
Народ России и безмолвье плит
Тех, кто ушёл, Присяги не нарушив.

Тех, кто пахал, и кто учил, как быть.
Фронтовиков, что крепче стали были,
Тех, кто позволил нам сегодня жить
А сами до Победы не дожили.

Друзей в Афгане, раненных седых,
Живых, убитых, без вести пропавших.
Сегодняшних, толковых молодых,
Уже в боях сирийских побывавших.

Плечом к плечу мы во сто крат сильней,
Каких бы схваток нам не навязали,
На службу, верность Родине своей
Мы все одной Присягой присягали.

Камни на высоте

А туман ползёт по сопкам,
По болотцам, по траве.
Рота заняла высоту
В 41, в октябре.

Командир сержант устало
Вытрет пот, смахнёт слезу,
Роты, в общем-то, не стало,
Почти вся лежит внизу.

Лейтенант был сразу ранен.
Без сознания, в бреду,
В тыл бы ротного отправить,
Только некем, на беду.

А сержанту скоро двадцать
И девчонки ещё нет,
Не успел нацеловаться
Повстречать в стogu рассвет.

Здесь на Севере полярном
Пятый месяц, как война,
Закипает, рвётся ярость,
Кровью залита страна.

Есть такое слово – надо.
Надо, значит – хоть умри,
Даже если пули градом,
На потери не смотри.

Надо! Всё, на этом точка!
Сопка позарез нужна,
Нам с неё любая кочка
Днём за три версты видна.

За ночь немец отоспится
Штурмовать поди, начнёт.
Нелегко будет отбиться,
Коль подмога не придёт.

А сержант?! Приказ получен,
Значит надо выполнять!
Не такой уж редкий случай,
Не ему Устав менять.

У комбата – капитана
Лишь один на всё ответ:
Повторяет беспрестанно —
«В тыл, назад дороги нет»!

Нет бойцов для пополнения,
Хлеба, спирта – тоже нет,
Вот, раздал на угощенье

Блок трофейных сигарет.

В роте семеро осталось,
Трое раненых лежат,
Простоять, хотя бы малость,
Фрицев НАДО задержать!

В камне вырытой землянке,
Печь трофейная, дрова,
Свет лучины в старой банке
Освещает всё едва.

Здесь тепло, не как снаружи,
Где уже два дня метёт.
Эх, картохи бы на ужин,
Так под ложечкой сосёт.

Сигаретку ту достанет,
Он, прикурит от огня
Сразу легче вроде, станет,
Первый отдых за три дня.

Выпьет чаю из болтушки
И поправит ремешок,
металлическую кружку
снова спрячет в вещмешок.

Ночь, которую не спавши,
Прикорнёт часа на три

И во сне увидит: пашню
Дом родной, восход зари.

Только ночь к утру растает,
Мина, сука прилетит!
Всё по своему расставит
Кто-то жив, а кто – убит.

И в село с названьем Горки,
На другом краю земли,
Через месяц похоронки,
Сразу три за раз пришли.

В те дома ворвётся стужа,
Слёзы русских матерей.
Что ещё бывает хуже,
горше смерти сыновей.

Как же так, сержант Егорка
Ты себя не уберёг?!
Не вернётся больше в Горки,
Мамин младшенький сынок.

За ночь вымокнет подушка
и к утру не встанет мать.
За окном зима старушка

Будет снега наметать...

Батальон понёс потери,
Бойня страшная была.
На высотке рядом с теми
рота немцев полегла.

Наши тоже все, что в роте
До последнего бойца
Те, что были на учёте
все, сражались до конца.

В тундре памятник сложили,
На войне, как на войне,
Семь камней за тех, что были
Мёрзлой, преданы земле.

Лейтенант, который ротный,
Выжил. Месяц – медсанбат,
Новый полк, комбат пехотный,
Пал в боях за Сталинград.

Капитан, комбат с Урала
Той же ночью был убит
Скольких их война забрала
Скольких подвиг позабыт.

В наши дни, на той высотке,
На багажниках машин
Разольём по полной стопке
Мы за тех, кто не дожил.

За безвестных всех героев,
Их костями земля полна,
Где копни, там и отроешь
– Русской вольности цена.

Заполярье, край суровый,
Зона вечной мерзлоты.
Мне не спиться, вспомнил снова
Тех, не сдавших высоты.

Тень одиночества

Тень одиночества следом волочится,
Ведая всё, усмехается мне.
Каждую ночь мне убить её хочется,
Но источается тень на стене.

Только не веруя, комнату мерю я,
Девять шагов – и назад не спеша.
Вот и опять на стене она серая
Прячется тихо, мне в спину дыша.
Так мы и маемся, не уживаемся
В долгие ночи втроём напролёт.
За моей тенью, немного растерянной,
Тень одиночества снова идёт.

Лампочка тусклая, комната узкая,
По монитору порхает курсор.
Пиксели битые – в Окна открытые,
На Интернета широкий простор.

Здесь после полночи – крики о помощи,
Страх одиночества в сети весом.
Теми же сайтами делимся байтами
По социальным сетям колесом.

Запертых стенами, окон с антеннами
Круглых тарелок повсюду полно.
Вроде бы близкие люди и искренни,
Только от Вас отделились давно.

Тени качаются, дни обращаются,
Если нет рядом Вам близкой души.
Что-то ломается, связь обрывается,
Вот одиночество к нам и спешит.

Всё пройдёт

Лист клёна желтеет у кромки пруда,
Стучит по нему дождевая вода.
Но время пройдёт и ему суждено,
Намокнув спуститься на самое дно.
А ветер осенний, что гнал облака
Забросит на воду три новых листка.
Дни быстро летят, осень сменит зима,
Снегами укроет дворы и дома.
Покроется льдом вся поверхность пруда,
В нём листья застыли, чтоплыли тогда,
И местных мальчишек задорный народ
Коньками хоккейными режет тот лёд.
Так ветер судьбы нас поднимет, несёт,
Когда-то ударит, когда-то спасёт.
Всё в жизни проходит, всему свой черёд,
Но помни всегда, что «И это пройдёт».

Белым туманом

Белым туманом, окутав дома
поздняя осень в мой город пришла.
Жёлтый октябрь дождями умыт,
Листьев опавших кострами дымит.

Зыбкими кажутся в сером окне
Кроны берёз в летаргическом сне,
Светлых стволов потемнела кора,
В листья закутанных, только вчера.

Кубики зданий по улицам в ряд,
В белом тумане как будто парят.
И отражаются в строчках стихов
Пятна застывших, седых облаков.

Ранний прохожий, подняв воротник
В мареве утреннем, белом возник,
Шаркая, медленно скрылся долой
Там где-то, дворник шурует метлой.

Солнце не балует стылые дни,
Стали намного короче они.
В этом безвременье стынута слова
Всё надоело, скорей бы зима.

У вечера в плену

Размеренным шагом, навстречу,
В толпе между мраморных стен
Встречает в метро меня вечер
И сразу берёт к себе в плен.

Спешу по крутым переходам,
врываюсь в последний вагон,
в толкучке, на выходах, входах
меня дожидается он.

Встречает неяркостью красок,
Прохладой для летнего дня,
Зимой – снегопадом из сказок,
Что кружит в конце декабря.

Огнями в московских квартирах,
Движеньем машин и людей,
В билбордах рекламных картинок,
В квадратах больших площадей.

Я в нём до конца растворяюсь,
Спешу в даль тенистых аллей,
Где клёны ветвями касаясь,
Мне шепчут о жизни своей.

Люблю это время, свой город,
Неброскость окраин и Центр,
Арбат, что не стар и не молод,
Но полон своих мизансцен.

Шатаюсь в его переулках,
Проходами – арки домов,
Где звуки шагов моих гулких
Нарушат сон тёмных дворов.

Троллейбусом путь продолжая,
Замру, прислонившись к стеклу.
Куда и зачем уезжаю?
И сам ни черта не пойму.

И только доверчивый вечер
Махнёт на прощанье рукой.
Спасибо тебе и до встречи,
А я уйду на покой.

Ты с ночью теперь остаёшься,
На город легла её тень.
Ко мне скоро снова вернёшься,
Лишь только закончится день.

Ну что, брат, спасибо за помощь,
За то, что ты был терпелив.
И вот уже тихая полночь

Примчалась на крыльях своих.

Рябина в ладошке

(подражание народной песне)

Раннею зорькою, снежною горкой
Гроздь рябины накроет зима.
Ягоды красные, стывшие, горькие,
Стоит распробовать – сводят с ума.

Там на окраине, зорькою раннею
Ветку, что сломана, ветер качнёт.
Парню знакомому, ягоду пьяную
Девушка Лада в снегу соберёт.
После зазнобушку, белу лебедушку
Парень увидит, сердечко замрёт.
Утром воскресным по снегу молодушку
Батюшка в церковь дорожкой ведёт.

Как ей открыться, ночами не спится,
Может, смеётся и ей всё равно?
Всюду на солнышке снег серебрится,
Выгляни Лада хотя бы в окно.

Зоренька ясная свадьбу отпразднует,
Сброшена беличья тальма на пол,
Зимний платок, её платьице красное,
Вышитый крестиком белым, подол.

Поутру встанут след ярою зорькою,
Что осветит лики в Красном углу.
Стопки наполнят рябиновкой горькою,
Рядом обнявшись, присядут к столу.

Мама с утра принесёт дочке валенки
Дети попросят их благословить.
Выпьют по маленькой в домике стареньком
Что с ними сделать, придётся простить.

Пусть татя сердится, все перемелется,
Главное любят друг дружку они.
Будет метелица зимняя стелиться
Долгие годы, счастливые дни.

Время летит, всё с годами изменится,
Лет с той поры уж немало, пройдёт
Красную ягоду дочка их девица
Снова в ладошку зимой соберёт.

Не говори пока – пока

Не говори пока – «пока»,
Пока дорога далека
И снег кружит под облака.
Лежит в моей, твоя рука.

Не уходи теперь, пока
Мной не закончена строка
Где слов мелодия легка
Подобна струнам у смычка.

Не уходи, прошу – пока,
Луна подобием желтка
В ночи на небе высока.
И в полынье шумит река.

Но трель входящего звонка,
Порвёт ту нить, что так тонка
И в белом мареве снежка
Растает тихое – «пока».

Синь васильковая

Утром за солнышком, летними травами
Прямо по полю бежать по росе,
Там где речушка блестит меж дубравами,
Ивы растут на песчаной косе.

Ветер качнёт их, играя ветвями,
Листья закрутит, меняя им цвет
И улетит, не прощаясь с друзьями,
Только верхушки махнут ему вслед.
Вот и полянка в лесу неприметная,
Птицы щебечут, проснувшись с утра.
Мысли приходят простые и светлые,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.